

УДК 821.111(73)

ИСТОКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИФОЛОГИИ ГОВАРДА ФИЛЛИПСА ЛАВКРАФТА

Данилов Д.Д.

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Якутск, Россия (677027, г. Якутск, ул. Белинского, 58), e-mail: ntistranger@gmail.com

Американский писатель Говард Филлипс Лавкрафт был совершенно неизвестен широкому читателю при жизни, но во второй половине XX века его творчество приобрело определенную популярность среди поклонников так называемой литературы ужаса. Лавкрафт положил начало одной из самых знаменитых литературных мифологий нашего времени, известной как Мифы Ктулху. В статье рассматриваются литературные истоки Мифов, а также критерии, по которым возможно определять лавкрафтовскую традицию. Корни данного литературного явления уходят в традицию «страшного рассказа» XIX столетия, к которой относятся произведения таких писателей, как Э.А. По, А. Мейчен, Э. Дансени, У.Х. Ходжсон. Эти авторы оказали самое большое влияние на творческий почерк Лавкрафта, однако его мифотворчество своей масштабностью обязано также мифам и легендам Древнего мира. Проведенное исследование показало, что литературная мифология Лавкрафта берет свои истоки в самой истории и психологии человека, благодаря которой и появились мифы, легенды, а вслед за ними и «страшные истории».

Ключевые слова: мифология; истоки; Говард Лавкрафт; литература ужаса; «страшный рассказ».

SOURCES OF LITERARY MYTHOLOGY OF HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT

Danilov D.D.

North-Eastern Federal University of M.K.Ammosov, Pedagogical Institute

American writer Howard Phillips Lovecraft was absolutely unknown to the general reader during lifetime, but in second half of XX century his work became definitely popular among admirers of the horror literature. Lovecraft has invented one of the most well-known literary mythologies of our time, known as Cthulhu Mythos. In this article literary sources of Mythos, and criteria by which reader can define lovecraftian tradition are considered. Roots of this literary phenomenon can be found in tradition of horror fiction of XIX century which work concern of such writers as E.A.Poe, A.Machen, E.Dunsany, W.H.Hodgson. These authors has the great influence on a hallmark of Lovecraft, however his mythology is obliged by the scale also to myths and legends of the Ancient world. The conducted research has shown that the literary mythology of Lovecraft takes its sources in the history and psychology of the man. Both sources have generated myths, legends, and horror fiction.

Key words: mythology; sources; Howard Lovecraft; the horror literature; horror fiction.

Из всех писателей, работавших в жанре литературы ужаса, Говард Филлипс Лавкрафт заслуживает особого внимания и уважения, поскольку является не только одним из ярчайших ее представителей, но и создателем собственной мифологии, которая ныне именуется Мифами Ктулху. Стоит заметить, что сам Лавкрафт ни разу не объединял свои рассказы под таким названием. Единственным подобным наименованием у него был «Аркхемский цикл» - по названию вымышленного писателем новоанглийского города; или же «Йог-Сототика» - по имени одного из божеств Мифов, Йог-Сотота. Необычное название предложил друг и соратник Лавкрафта Август Дерлет.

Сегодня Мифы Ктулху достаточно известны современным почитателям фантастической литературы и даже считаются некоторыми едва ли не реальностью. Иногда их также выделяют в отдельный жанр, входящий в систему фантастической литературы

вообще. В жанре, в свою очередь, имеются определенные критерии. В отдельности каждый из них уникален, но по-своему уникальна и формируемая ими общая картина. Это позволяет быстро распознать, принадлежит произведение данному жанру или нет. Однако не каждый рассказ Мифов использует все критерии или использует их содержательно. Распознавание проводится не объективно, а субъективно – по ощущению, форме и настроению. Критерии помогают создать настроение, но просто тематических элементов недостаточно для установления соответствующей атмосферы [4]. Роберт М. Прайс утверждает, что, как и в каждой классической мифологии, Мифы суть сами рассказы. Не вымышленные легенды и книги, описанные в этих рассказах, а рассказы сами по себе, истории реальных авторов [9]. Исследователь К.Л. О’Брайен, в свою очередь, предлагает собственный список критериев, которые позволяют установить, является ли рассказ частью Мифов Ктулху.

Возможно, одним из наиболее фундаментальных критериев является тот факт, что Мифы описывают контакты людей с различными сверхъестественными сущностями, часто огромной и даже всемогущей силы. Чаще всего сущности в Мифах представлены так называемыми Великими Древними (Great Old Ones) или другими созданиями, часто посредством либо их слуг, либо культов.

Другим критерием является фаталистический и нигилистический характер историй. Мифы Ктулху предполагают, что Вселенная – недружественное место для человечества; что из-за ее размера и природы она в лучшем случае безразлична по отношению к человеку и другим смертным видам. В большинстве случаев герой Лавкрафта терпит поражение. Причины этого могут быть самыми разными. Семя зла может присутствовать в человеке изначально и в подходящей ситуации прорасти, превратив его носителя в упыря («Наследство Пибоди») или в морского демона («Тень над Инсмутом»).

Следующий критерий заключается в том, что многие рассказы повествуют об исследованиях останков погибших цивилизаций, будь то руины, артефакты или даже уцелевшие города, которые до обнаружения были сокрыты в недоступных местах. Таким образом, в Мифах имеется тенденция к большей интеллектуальной обоснованности, чем в среднестатистических страшных рассказах.

Наконец, последним критерием Мифов может быть запретное знание, заключенное в томах древнего учения. Это обычно книги людей древности или же иных разумных рас из далекого космоса или параллельных реальностей. Их часто трудно прочесть и еще труднее понять, но они могут оказывать глубокое психологическое и психическое воздействие на читателя [4].

Таким образом, мифология Лавкрафта достаточно продумана. Но, как и у любой развитой системы, у нее имеются собственные корни. Прежде всего, их можно обнаружить в

литературных произведениях, которые писатель любил читать с юности. По словам Л. Спрэга де Кампа, «на него, прирожденного книжного червя, больше влияло печатное слово, нежели его ровня. В сущности, лет до тридцати его представления о мире были в основном сформированы книгами» [5].

Пока Лавкрафт был совсем маленьким, его мать читала ему волшебные сказки. Однако вскоре он уже научился читать сам. Одной из его первых книг была «Сказки» братьев Гримм. В пять лет Говард прочел детское издание «Тысячи и одной ночи». Он сразу же влюбился в великолепие средневекового исламского мира и часами играл в арабов. Он «заставил мать устроить в моей комнате восточный уголок из портьер и ладанных курильниц» [7], собирал восточную керамику и объявил себя мусульманином. Кто-то из родственников в шутку предложил, чтобы он назвался псевдоарабским именем Абдул Аль-Хазред. Он так и поступил и, более того, позже назвал так автора вымышленной древней книги тайного знания «Некрономикон».

Лавкрафт также очень уважительно относился к античной мифологии: «Всегда жадный до легенд, я случайно наткнулся на „Книгу чудес“ и „Тэнгльвудские сказки“ Готорна и пришел в восторг от греческих мифов, даже в онемеченной форме. Затем мое внимание привлекла маленькая книжечка из личной библиотеки моей старшей тети — история об Одиссее, изданная в „Получасовых сериях Гарпера“. Она держала меня в напряжении с первой же главы, и к тому времени, когда я дочитал до конца, я уже навеки был греко-римлянином. Мое арабское имя и все остальное тотчас исчезли, ибо волшебство шелков и красок потускнело перед чудесами храмовых рощ, лугов, в сумерки наполнявшихся фавнами, и манящего голубого Средиземного моря, которое загадочно несло свои волны от Эллады до удивительных и незабываемых земель, где жили лотофаги и лестригоны, где Эол владел ветрами, а Цирцея обращала в свиней, и где на пастбищах острова Тринакрия бродили быки лучезарного Гелиоса. <...> В возрасте примерно семи или восьми лет я был истинным язычником, столь опьяненным красотой Греции, что приобрел почти искреннюю веру в старых богов и природных духов» [8].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Мифы Ктулху (или, по крайней мере, некоторые из образов населяющих их божеств) частично инспирированы мифами Древней Греции. Например, в них иногда присутствуют антропоморфные сущности, как и многие божества древнегреческого пантеона. Достаточно прочитать описания Лавкрафтом загадочного Ньярлатотепа - «высокий и стройный человек с юным лицом египетского фараона, облаченный в яркие одежды, со сверкающим золотым обручем на волосах» («В поисках неведомого Кадата») [2]; и кошмарного Ктулху - «...в чудовище смутно улавливались человеческие черты, но его голова походила на осьминожку, лицо покрывали

щупальца, тело было как резиновое, на передних и задних конечностях красовались длинные когти, а за спиной развевались узкие крылья» («Зов Ктулху»). [1] Более того, в финальной части рассказа «Зов Ктулху» образ ужасного божества и вовсе сравнивается автором с чудовищем из греческих мифов: «Великий Ктулху взгромоздился на каменный монолит, разинул пасть, плюнул вслед яхте и разразился громкими проклятиями, совсем как Полифем, упустивший корабль Одиссея». [1]

Помимо греческой мифологии, Лавкрафта вдохновили и древнееврейские мифы, из которых он позаимствовал имя бога земледелия и плодородия – Дагон [3]. В традиции толкования Библии Дагон связывается по народной этимологии с ивритским словом «даг» (рыба), а само божество описывается как получеловек-полурыба. В начале XX века благодаря Лавкрафту произошло слияние этой трактовки с Мифами Ктулху, где Дагон – фантастический бог рыб и вождь гуманоидов-амфибий.

Однако главное в Мифах Ктулху – это прежде всего их настрой и атмосфера. Эти качества Лавкрафт привнес в свои произведения прежде всего из творчества предшественников. Он с глубоким уважением относился к Эдгару По, Артуру Мейчелу, Эдджернону Блэквуду, Уильяму Хоупу Ходжсону. Эдгара По Лавкрафт считал автором, который повлиял «не только на историю "потустороннего" рассказа, но и на жанр краткой прозы целиком; и косвенно затронувший направления развития и судьбу великой европейской эстетической школы <...>. Зрелому и мыслящему критику трудно отрицать огромную ценность его работ и поразительную мощь его разума, сделавшего По первооткрывателем новых творческих просторов». [2] Действительно, По установил новый реалистический стандарт в истории литературного ужаса. Художественность в его произведениях соединялась с научным подходом, достаточно редко встречавшимся ранее, а так как По в большей степени изучал разум человека, чем готическую традицию, то работал со знанием истинных источников ужаса. Это усиливало эффект повествования и освобождало его от нелепостей, характерных для обычных возбудителей страха. Сам Лавкрафт, отдавая дань своему литературному учителю, даже написал своеобразную вариацию на тему «Истории Артура Гордона Пима» – новеллу «Хребты безумия» о команде исследователей, столкнувшихся на Южном полюсе с заброшенным городом древней цивилизации. В произведении аналогично упоминаются экспедиции предшественников – Э. Шеклтона, Р. Амундсена, Р. Бэрда – которые занимались исследованиями Антарктики и Южного полюса. Это придает содержанию доподлинность, как и у По. Хотя и невероятная, она органично вплетается в канву мифологического мира Лавкрафта, таким образом позволяя читателю принять этот мир как существующий в реальности. Подобный прием, наряду с упоминанием научных терминов, дневниковых записей, писем и газетных заметок

писатель использует и в таких рассказах, как «Заброшенный дом», «Зов Ктулху», «Шепчущий во тьме». Во-вторых, в новелле Лавкрафта присутствует тот же мифический образ Антарктиды в качестве обители таинственных цивилизаций.

Лавкрафт также являлся почитателем ирландского автора страшных рассказов Артура Мейчена. В своем знаменитом романе «Холм грез» этот писатель мастерски передал свои утонченные эстетические воззрения. Роман повествует о молодом человеке по имени Лукиан Тейлор, постоянно грезящем о своем детстве в сельском Уэльсе. Холм грез – это старый римский форт, где Лукиан испытывает чувственные видения, включая видения родного городка времен Римской Британии. Позже роман описывает попытки Лукиана зарабатывать на жизнь писательством в Лондоне, его постоянную бедность и страдания ввиду стремления к подлинному искусству. В романе Мейчена можно обнаружить сходство с произведениями «Цикла Снов» Лавкрафта, повествующего о параллельной сказочной реальности, в которую стремятся разного рода мечтатели и сновидцы. Персонаж «Холма грез» предвосхитил образы Куранеса («Селефаис»), Иранона («Иранон»), а также Рэндольфа Картера («Сомнамбулический поиск неведомого Кадата», «Серебряный ключ»). Все эти персонажи – мечтатели, какими были и Лавкрафт, и Мейчен. Поэтому отчасти эти произведения можно назвать автобиографичными.

Однако Лавкрафт ценил талант Мейчена не только за превосходное описание фантастических миров. Английский писатель являлся еще и автором рассказов, в которых элемент тайного ужаса и надвигающегося кошмара передан с несравненной реалистической точностью и живостью. По словам Лавкрафта, «его мощные сочинения об ужасном конце девятнадцатого – начала двадцатого веков уникальны и определяют отдельное направление и целую эпоху в истории жанра» [2]. Из работ Мейчена в жанре литературы ужаса самая известная — «Великий бог Пан», в которой рассказывается об удивительном и ужасном эксперименте и его последствиях. Не менее интересна и хроника «Белые люди», в основе которой лежат записки маленькой девочки, которую няня познакомила с запретным колдовством и убивающими душу обычаями зловещего культа ведьм. Литературный мир Мейчена достаточно многогранен. Известный американский режиссер Джон Карпентер в своем интервью журналу «*Rue Morgue*» высказал мысль о том, что «задумка Мейченом [этого] мифа – который был очень схож с Мифами Ктулху, только в уэльском варианте – несет в себе идею о том, что существующая параллельная реальность отличается от того, что мы знаем и можем испытывать. <...> Это, возможно, самый мощный аспект его творчества, и этот аспект был тем, что Лавкрафт определенно у него позаимствовал – наряду с идеей о том, что зло никогда не умирает» [6].

Не менее экзотические видения создавал и Эдвард Джон Планкетт, восемнадцатый барон Дансени. Он, как и По, чуток к драматическому элементу прозы и понимает важность слов и деталей. В большинстве случаев Дансени придумывает свои страны — «за Востоком» или «на краю мира». Его система оригинальных имен и названий многозначна и поэтична: Аргимен, Бефмоора, Полтарнис, Каморак, Илюриэль, Сардатрион и т.п. Как мастер описания нереального, он не может избежать космического ужаса. Дансени искусно намекает на чудовищные вещи, как это делается в традиционной волшебной сказке. Несомненно, лавкрафтовский «Цикл Снов» во многом обязан своим появлением не только Артуру Мейчену, но и лорду Дансени.

Английский писатель Уильям Хоуп Ходжсон тоже описывал другие, находящиеся за пределами обыденной реальности миры и существа. Его роман «Ночная страна» повествует об отдаленном на миллионы лет будущем Земли после гибели Солнца, а кроме того, перекликается в сюжетном плане с новеллой Лавкрафта «За гранью времен». В произведении Ходжсона фигурируют сны человека из XVII столетия, чей разум соединяется с разумом его следующего воплощения. В неспешном, день за днем описываемом путешествии главного персонажа в невыносимой тьме есть ощущение кошмара и захватывающей тайны. Все это присутствует и в новелле Лавкрафта, с той лишь разницей, что там главную роль играет переселение разума могущественного космического пришельца в тело профессора начала XX века, а разума профессора, в свою очередь, в конусообразное тело пришельца. Их разделяет расстояние во многие миллионы лет.

Таким образом, развивая мифологическую традицию древности и готическую традицию XIX века, Лавкрафт сумел создать неповторимый и многоплановый литературный миф, вымышленную сверхъестественную реальность. Осмысление сверхъестественного и чудесного осуществляется у него не только посредством экзотического наследия восточной, античной и западноевропейской культурной истории, но и за счет использования сюжетов из истории Новой Англии. Космический ужас Лавкрафта уходит корнями в далекое прошлое человечества, и они берут свое начало даже не с мифов и легенд первых цивилизаций. Понятие страха и ужаса сформировалось у человека еще в первобытную эпоху, и с тех пор оно неразрывно связано с его психологией. Тема незначительности человека в масштабах космоса и мотивы вселенского равнодушия успешно находят отклик и в сердцах современных авторов и читателей.

Список литературы

1. Лавкрафт Г.Ф. Зов Ктулху. – М. : АСТ: ЛЮКС, 2005. – 730 с.

2. Лавкрафт Г.Ф. Хребты безумия. – М. : АСТ: ЛЮКС, 2005. – 730 с.
3. Мифы народов мира / под ред. Н. А. Куна [и др.]. – М. : Астрель, 2006. – С. 77.
4. О'Брайен К.Л. Природа Мифов Ктулху // Неименуемое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unnamable1890.narod.ru/klob/nature.htm>
5. Спрэг де Камп Л. Лавкрафт: биография. – СПб. : Амфора, 2008. – С. 30-31.
6. Doyle M. The Laureate of Strange // Rue Morgue. – 2013. - № 131. – P. 18.
7. Lovecraft H.P. A Letter to B.A. Dwyer – March, 3, 1927. Selected Letters II (1925-1929) // H.P. Lovecraft. Edited by August Derleth and James Turner. – Sauk City, WI: Arkham House Publishers, Inc.; 1968. – P. 107.
8. Lovecraft H.P. A Confession of Unfaith. Selected Essays // H.P. Lovecraft. Vol. I of «The Lovecraft Collectors Library», ed. by George Wetzell, 1952. - P. 20.
9. Price R.M. August Derleth: Myth Maker // Crypt of Cthulhu. – 1982. – Vol. 1, № 6.

Рецензенты:

Бурцев Анатолий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по гуманитарному направлению, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск.

Петрова Светлана Максимовна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, филологический факультет ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск.